

9. Последняя высота

И высокий полет этих гордых прославленных птиц...

Н. Рубцов.

Дневник Ольги Петровны заканчивается словами: «2 сентября 41 г. вызов к 11 часам утра в милицию. Площадь Урицкого, 6, этаж 4, каб. 202. Игнатьев З.С. – эвакуация в 4 часа дня».

Что же было потом? Как выезжала Ольга Петровна из осаждённого Ленинграда и куда?

Мы можем предположить, что она поехала к своей сестре Варваре, которая в это время жила под Москвой в Балашихе и работала преподавателем в Пушно-меховом институте. Основание для этого – письмо Татьяне от 3 апреля 1944 г., написанное Ольгой Петровной из Череповца: «*Большая была для меня радость, что наконец через полтора года мне при помощи милых моих друзей¹⁷ и нашей чудесной Вуши¹⁸ удалось с превеликим трудом получить своё багажное место из Балашихи*».

Почему она оказалась в нашем городе? Ответа пока нет и на этот вопрос. Но в письме к Татьяне от 18 ноября 1943 г. она пишет из Череповца: «Особенно тяжело то, что по свойственной мне скрытности и ещё по причинам понятным я ни с кем не могу поделиться своим горем – нет моей милой Мариши, бедной моей старушки, которая, не будучи умной, так умела … почувствовать меня и беспомощно поплакать со мной. Могилка её в порядке».

О каких «понятных причинах» пишет она сестре?

Кем приходилась Ольге Петровне «милая Мариша, бедная моя старушка»? Может, именно к ней ехала она в Череповец, а увидела только могилку на кладбище?

¹⁷ Морозов Корнелий Константинович и его жена.

¹⁸ Варвара

Одна, без родных и знакомых, без квартиры, без любимого театра оказалась она в нашем городе.

Каким же был Череповец, небольшой, но красивый, уютный город в те далёкие сороковые-пятидесятые годы? Я хорошо помню его тихие улицы и стук своих каблуков по деревянным тротуарам. Огромные зелёные деревья у домов или по краям дороги. Их кроны иногда смыкались, образуя шатёр, и это было так таинственно и красиво. В начале лета – море моих любимых цветов, золотых одуванчиков на зелёной траве, и солнце! Неповторимая Соборная горка! Ничего ёщё не зная о её истории, я каждую весну прибегала сюда, обязательно обходила кругом храм, стараясь наступать на старинные кирпичи и кирпичную кладку, едва видные на земле, предполагая, что это были когда-то монастырские стены. К сожалению, сейчас эти следы прошлого уже совершенно исчезли. Спускалась вниз с крутизны по узким тропинкам к реке Шексне и снова взбиралась на гору. Позже стала приводить сюда своих детей, мужа.

А наш Соляной сад! По выходным дням нарядные чепуране шли семьями или парами по Советскому проспекту туда, в сторону парка, откуда уже слышались звуки духового оркестра...

Я любила ходить по нашим уютным улочкам, заглядывалась на окна деревянных домиков, разукрашенных белоснежными кружевными накрахмаленными занавесочками, любовалась душистой весенней сиренью, ирисами, астрами, флоксами, царственными георгинами и непрятательными осенними золотыми шарами в палисадниках домов.

А как хорош был бульвар Луначарского! Известно, что посажен он был в двадцатых годах (а, может, и раньше) при активном участии Николая Аполлоновича Астахова, учёного лесовода, в прошлом военного, адъютанта генерала Ло-

гиова Павла Петровича¹⁹, героя Балканской войны. Бульвар, засаженный разными породами деревьев, тянулся от вокзала до Соляного сада. Так приятно было гулять здесь: то попадаешь в солнечный и весёлый мир берёзового царства, то тебя окружат могучие старые липы, то вдруг оказываясь в волшебном лесу серебристых тополей с какими-то странно вытянутыми ввысь могучими ветвями. В связи со строительством металлургического завода эти деревья, эти холёные и любимые красавцы и красавицы, не устояли, воздух рабочего города им не подходил. Взамен подсаживали молодые деревья, те, что были под рукой. Красота исчезла. Теперь городу уже нет резона гордиться своими прекрасными бульварами!

Но каким же увидела наш город Ольга Петровна? Ведь она приехала к нам в военном 1942 году. В городе было очень много эвакуированных. Им было труднее всех. Запомнились брезентовые ботинки с очень толстой деревянной подошвой на ногах худенького ленинградского мальчика. На улицах, вдоль деревянных тротуаров, узкие полоски земли до заборов домов были раскопаны и засажены картошкой. Я помню, что каждая семья получала задание стирать солдатские стёганые телогрейки, рукавицы с двумя пальцами, ватные штаны. С каким старанием, молча, озабоченно, на плотах для полоскания белья стирали женщины эти вещи! А дрова, которые приходилось выкатывать на берег, чтобы зимой в школе можно было учиться. Это делали старшеклассники и учителя. Дуранда (подсолнечные или льняные жмыхи) – любимое лакомство ребятишек. Где её доставали – не знаю. Все лучшие здания в городе были отданы под госпиталя, которых было так много! Иногда попадались у этих зданий где-нибудь сбоку мусорные кучи, а там гипсовые руки,

¹⁹ Логинов П.П. приходился правнуком Софье Ганнибал, младшей дочери Абрама Петровича Ганнибала, сподвижника Петра I.

ноги, грязные бинты. Мы, дети, смотрели на это совершенно спокойно, ведь это лечат раненых, а на них мы насмотрелись. Городские школьники и кружковцы Дома пионеров часто ходили с концертами в госпитали, собирали для раненых какие-то подарки. Позднее, году в 1944-м, появились на улицах колонны пленных немцев... Вот всё это и увидела Ольга Петровна в прифронтовом городе. Какой тоской веет от её писем!

«Дорогая моя, горячо любимая Танюша, не сердись на меня, не обижайся, вообще не подходи ко мне с меркой нормального человека – я давно перестала им быть. Я – какой-то обломок человека. Даже не тень, потому что тень несёт в себе черты того, кому она принадлежит, а во мне не осталось ничего, что бы отражало моё прежнее, настоящее «я». Я просто какая-то механическая кукла, которая ходит, работает до изнеможения, внешне нормально общается с людьми, а внутренне – пустая труха, ненужная себе, без настоящего, с убитым прошлым, а будущее ... или его вовсе нет, или это страшный призрак бездомной, безрадостной, нищей старости без улыбки, без покоя, с одним тяжёлым грузом бесплодных сожалений и раскаяния в одной огромной ошибке, которая погубила не только мою жизнь, а что гораздо тяжелее – жизнь самых дорогих, самых любимых людей».

И опять здесь упоминание о какой-то ошибке, отравившейся и на судьбе близких людей.

Удивительно, эти страдания никак не отразились на её взаимоотношениях с людьми. Ни злобы, ни зависти, ни мелких сплетен, ни желания как-то вырваться вперёд, обогнать кого-то, занять чужое место – ничего этого никогда не проявлялось в её поступках и поведении.

Перечитывая письма Ольги Петровны к сестре, раз-

мышляя о её непростой судьбе, я всё-таки смею утверждать, что Череповец стал последним, но, может быть, самым славным, самым значительным этапом её долгой жизни. Она не ожесточилась, не упала духом, не погрязла в мелочах, а каждодневно, с напряжением всех сил творила и творила добро, несла радость людям. Это были для неё очень нелёгкие годы!

«Работаю я много, – пишет она сестре, – много через силу, до изнеможения и едва могу на это просуществовать. Как-то всё бессмысленно складывается, но внешне результаты работы очень хорошие, все очень довольны и т.д. ... Беда в том, что я так замучена, так устаю, что, прия домой в 12 часу ночи, уже ничего не соображаю и не могу доставить себе самого большого удовольствия – сесть за письма. Ведь это моя единственная отрада».

Но о том, что так трудно ей работается, что так много и непосильно она трудилась, знали только близкие. Для нас же, 5-7-10-летних ребятишек, она была доброй феей, которая своей волшебной палочкой прикасалась к нашим душам, и мир преображался, появлялась надежда, и забывались трудности.

Вот почему и сейчас, много-много лет спустя, слышится её звучный голос, вспоминаются жесты, улыбка, походка. Хорошо помнится её фетровая небольшая шляпка, поношенное пальто с коричневым каракулевым воротником, длинная хлопчатобумажная трикотажная юбка.

Когда же я впервые увидела Ольгу Петровну? Это было, вероятно, лето 1943 года. Я закончила первый класс, а жила в доме по Советскому проспекту № 71. Совсем недалеко, почти на углу Советского проспекта и улицы Энгельса, стояло большое двухэтажное деревянное здание, куда во время войны перевели школу № 12 и Дом

пионеров. Напротив располагался кинотеатр «Горн», сейчас «Рояль-Вио».

Подружка Галя Горячёва привела меня на репетицию, которую проводила незнакомая немолодая женщина. Репетировали сказку «Конёк-Горбунок».

С той первой встречи у меня остались в памяти на всю жизнь красивый голос Ольги Петровны, её характерные интонации, движения, линии её фигуры, тёмный цвет одежды. На всю жизнь запомнилась и сама сказка «Конёк-Горбунок», да и не только мне, а и всем подружкам, кто или когда-то участвовал в спектакле, или просто смотрел сказку из зала. Вот что писала об этом спектакле сама Ольга Петровна:

«Работаю, сейчас основное – Дом пионеров, ставлю с маленьками «Конька-Горбунка». Это сложно, так как пьесы у меня нет, только сказка Ершова, и я сама творю пьесу: приходится сочинять стихи... Старшие мальчики мои в армии, а среди малышей много имеющих за поведение не только «плохо», но и «очень плохо». Но, удивительно, у меня хороши и никогда даже на замечания не возразят, так что Ангелина (директор, милая, но очень безалаберная женщина) в восторге, что я их так «организовала».

Приходилось Ольге Петровне вести кружки и в других местах, чтобы как-то просуществовать: *«Ещё кружок у меня на Ж.Д., у водников, ... с избачами, с учителями и т.д. Не голодая, сыта, хоть всё это очень скромно».*

К сожалению, без всякой причины, а просто, видимо, по малолетству я перестала ходить на репетиции. Тогда я не чувствовала никаких угрызений совести, а теперь – стыдно!

Пьесу по сказке «Конёк-Горбунок» я видела на сцене, запомнила многие мизансцены²⁰, а также многие жесты,

²⁰ Мизансцена – расположение актёров на сцене в отдельные моменты спектакля.

интонации «артистов». Теперь я понимаю, что во всех спектаклях, поставленных Ольгой Петровной, чувствовался высочайший профессионализм её, как режиссёра, как актрисы. Как бесконечно жаль, что всё это осталось только в нашей памяти!

Ещё больше впечатлений оставил у меня спектакль «Василиса Прекрасная», который шёл в помещении городского театра. Возможно, он был поставлен раньше «Конька-Горбунка», в нём играли более старшие дети.

Роль Василисы Прекрасной исполняла Вера Швецова, в будущем – солистка балета, Заслуженная балерина Латвийской ССР. Она была в этом спектакле так хороша собой, так изящна, нежна, воздушна!

Роль Бабы Яги досталась другой талантливой девочке Тоне Солиной. Её Яга отличалась зычным голосом, резкими движениями и какой-то злобной простоватостью. Ольга Петровна приkleила Яге на веки какие-то блёстки, зачернила зубы, приделала клыки. В каждом уголке огромного зала был слышен клич Бабы Яги: «Чики-рики кравалдыки! Кравалды! Кравалды!» Может, я неточно запомнила эти странные крики-заклинания, но запомнила на всю жизнь. Тоня Солина, обладая многими талантами, выбрала себе в будущем художественную гимнастику, была тренером, а потом первым директором уже Дворца пионеров, который и строился при её активном участии. А главным инженером, руководившим строительством, был Олег Шеляпин, тоже когда-то активно занимавшийся во многих кружках Дома пионеров.

Прочитаем ещё несколько строчек из письма Ольги Петровны: «*Танюшик, я иду по улице (а хожу я очень, очень много, т.к. те два очень плохих обеда, которые я имею за работу, находятся на двух противоположных окраинах города) и всё думаю, думаю о Вас, разговариваю с Вами, пишу Вам длинные подробные письма и, пользуясь*

темнотой, (хоть глаз выколи по вечерам), горько, горько плачу...»

И опять я возвращаюсь мыслью к Ольге Петровне. Я понимаю, что шла великая и страшная тяжелейшая война. Даже мы, маленькие дети, чувствовали это огромное напряжение, охватившее весь народ. Все работали самоотверженно, никто не ждал награды, все мечтали об одном: лишь бы скорее войны кончилась и, конечно, победой! Многие, воевавшие на фронте, и многие, работавшие самоотверженно в тылу, получили награды Родины, почёт и уважение детей и взрослых.

Но, к сожалению, титанический труд в годы войны пожилой актрисы не был оценен по достоинству в то время. Обидно, очень обидно!

Как жаль, что ни Ольга Петровна, ни другая подвижница – директор Дома пионеров Ангелина Анатольевна Алексеева – не вели подробных записей своей работы, не делали никаких методических разработок (да у них на это никогда и времени не было!). Как жаль, что во время войны и вскоре после её окончания не проводились областные смотры самодеятельности, и наш уникальный детский театр остался только в памяти тех, кто сам участвовал в спектаклях или смотрел их из зала, а ещё в фотографиях и материалах музея Череповецкого Дворца детского и юношеского творчества. Ольга Петровна создала на сцене волшебный, сказочный, прекрасный мир добра. И мечту, в которую верили и ждали её осуществления, как ждали и верили в победу на той войне.

Корешкова Нэлли, Галицкая Лора, Смирнова Галя, Черепанова Нина,
Тепленичева Тася в спектакле «Белый пудель»

За 17 лет, что проработала Ольга Петровна в Доме пионеров, было поставлено много пьес, сказок, басен: русская сказка «Василиса Прекрасная», «Конёк-Горбунок» Ершова, «Белый пудель» Куприна, басни Крылова, «Золушка» Шварца, «Двенадцать месяцев» Маршака, «Морской охотник» Николая Чуковского, «Чиполлино» Джанни Радари, «Снежок» Любимовой. В этой пьесе имела честь играть и я. У меня была роль доброй учительницы литературы мисс Джун. (Интересно, что так и случилось в жизни, я стала учительницей русского языка и литературы). К счастью, сохранился черновой листочек, написанный рукой Ольги Петровны. На листочке перечислены все действующие лица пьесы, а рядом — исполнители ролей. И есть там такая запись: «мисс Джун, учительница литературы, — Надя Кудрявцева», то есть я. Назовём и остальных исполнителей ролей в этой пьесе, записанных рукой Ольги Петровны:

Мистер Томпсон, директор школы, – Веня Солин

Мисс Текер, учительница истории и классный руководитель, – Нэлли Ткачёва

Мисс Джун, учительница литературы, – Надя Кудрявцева

Ученики школы:

Дик Демпсэй, по прозвищу «Снежок» – негритянский мальчик – Нина Черепанова, Клара Панкова

Чарли, по прозвищу «Буч – забияка» – Альбина Белизна, Люся Солина,

Джон – Нэлли Корешикова, Жанна Параничева

Мэри – Тамара Андреева

Бэтти – негритянская девочка, – Гая Смирнова, Алла Кудрявцева

Лили – Лилия Викторова

Джэйн – Валя Тихомирова

Марджори – Люда Каменецкая

Сильва – Сильва Каменецкая

Дэви – Нэлли Бекетова

Арчи – Толя Федотов

Анджела Бидл – девочка, только что приехавшая из южного штата, – Тамара ...

Мистер Бидл – отец Анджелы, богатый владелец горных разработок, – Аля Кузнецова

Эдит – служанка в доме Бидла, – Тава Рудакова.

Действие пьесы происходит в небольшом городе на севере Соединённых Штатов Америки после войны.

Музыкальное сопровождение М.Ф. Крыловой.

Костюмы и парики, оформление сцены по рисункам А.А. Алексеевой.

Вступительное слово читает Тамара Андреева.

С этим спектаклем связана забавная история. Ольга Петровна придавала большое значение костюмам для исполнителей. Костюмы достать было негде, поэтому их

приходилось шить самим из всякого подсобного материала. Для девочек – в основном из марли, которую тую крахмалили, делали нижние юбки. Хорошо, что Ангелина Анатольевна, директор, закончившая в своё время Академию художеств, могла сделать всё! Костюмы перед спектаклями шили все работники Дома пионеров, декорации мастерили и раскрашивали юные художники из кружка Ангелины Анатольевны.

И вот перед премьерой пьесы «Снежок» у всех взрослых возник вопрос: как и во что одеть миллионера мистера Бидла? Ольга Петровна сказала, что нужны обязательно белые брюки. Где их взять? Мария Фёдоровна Крылова, чудесная, добрейшая женщина, решила принести белые брюки своего мужа, оставшиеся с военных времён, в которые и нарядили мистера Бидла. Идёт спектакль, муж Марии Фёдоровны сидит в первом ряду, и вдруг он видит богача Бидла в своих собственных брюках! Эта история закончилась мирно.

Сцена из спектакля «Горная сказка», 1948 г.

Роза Баулина и др.

Несколько слов о пьесе «Морской охотник», написанной Николаем Чуковским, сыном известного детям и взрослым писателя Корнея Чуковского. В этом спектакле мужские роли играли мальчики из Череповецкой школы юнг. Спектакль получился очень интересным, злободневным, рассказывающим о событиях, которыми тогда жила страна. Нина Андреевна Бойко, руководитель музея истории Дворца пионеров, ныне ДДиЮТ, со своими воспитанниками собрала материалы об истории школы юнг и об участии мальчиков-юнг в этом спектакле. Роль капитана корабля исполнял Семен Малышев, ставший впоследствии капитаном, боцманом – Владимир Доршаков (в будущем – председатель горисполкома г. Петрозаводска), матросов – Вася Жуков и Леша Смирнов.

«Морской охотник»: Л. Галицкая, Л. Бекетова, Н. Корешкова, Г. Смирнова, С. Малышев, Н. Черепанова, В. Доршаков, В. Жуков, А. Смирнов

Ольга Петровна выступала в спектаклях и в роли драматурга (создала сценические варианты сказок «Василиса Прекрасная», «Конёк-Горбунок», рассказа Куприна «Белый пудель» и др.), и режиссёра, и гримёра, и парикмахера и т.д.

Как же успевала эта уже пожилая женщина справляться с таким обилием материала, с постановкой пьесы, следить за действием на сцене и вместе с детьми, не занятими в этот момент, создавать за кулисами необходимые шумы, например, шум толпы. Она работала быстро и очень результативно, была, вероятно, очень организованным человеком. Ночами расписывала роли для каждого маленького артиста; в самые трудные военные годы писала на листах из старых журналов, на газетах, ведь чистой бумаги в ту пору катастрофически не хватало. Благодаря этому время на переписку ролей на репетициях не тратилось. Ещё и сейчас, много лет спустя, хранятся у нас эти

странички, написанные огромными, так как она не носила очков, угловатыми буквами.

Работая с нами, Ольга Петровна не избегала специальных терминов. Мы знали, что такое мизансцена, реплика, цезура²¹ и др. В сцене бала из спектакля «Золушка» все фигуры танцев произносились на французском языке.

Я очень любила индивидуальные занятия с Ольгой Петровной по выразительному чтению. Она давала мне для чтения со сцены большие куски прозы. Запомнилась работа над отрывком из романа Бирюкова «Чайка» (о подвиге разведчицы Лизы Чайкиной), а особенно – по рассказу И. Тургенева «Певцы».

Ольга Петровна учила правильно дышать и давать звук, много внимания уделяла дикции, жестам. «Жесты при выразительном чтении со сцены, – говорила она, – очень важны, но их не должно быть много, чтобы они не отвлекали слушателя от авторского слова, а наоборот, подчёркивали его».

Очень интересно было работать с ней над текстом тургеневского рассказа. Текст надо было приспособить для чтения со сцены, и в первую очередь очень умело, бережно, не разрушая структуру тургеневской строки, сократить и сжать текст, т.е. сделать купюры²² (ещё одно слово, которое мы узнали от Ольги Петровны). Всё это делалось для того, чтобы выступление не было слишком продолжительным, длилось не больше 7-10 минут, чтобы внимание слушателей не успело рассеяться.

Попутно мы с ней выясняли, как развивается действие в рассказе, где момент наивысшего подъёма, т.е. кульминации, и когда наступает развязка действия, чтобы всё это

²¹ Цезура – пауза внутри стихотворной строки.

²² Купюра – сокращение, пропуск в литературном, музыкальном, научном произведении.

помогало чтецу наиболее точно и эмоционально передать содержание произведения.

Затем началась работа над словом. Буквально каждое в подаче Ольги Петровны становилось выпуклым, весомым, значимым. Она, видимо, и сама любила выразительное чтение. В дневнике не раз упоминает, что читала на последних концертах в Ленинграде в 1941 г. монолог матери из «Славы» Гусева и «Нас четверо» В. Инбер. А нам Ольга Петровна, уже будучи очень старой, рассказывала, как под оркестр читала стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы».

Ольга Петровна и Татьяна Петровна в Череповце.

Все эти знания, навыки, полученные от Ольги Петровны в детстве, очень пригодились мне в будущем, когда я стала преподавать литературу в школе. Мне совсем не трудно было вести кружки выразительного чтения, ставить сцены из спектаклей, ведь внеклассная работа очень развивает детей, помогает им в учёбе. За всё это и за нравственные

уроки, какие она дала мне, я очень благодарна этой необыкновенной женщине и судьбе, что свела меня с ней.

А.А. Алексеева, О.П. Игорева, М.Ф. Крылова среди кружковцев
Дома пионеров, 1945 г.

В этой книге мы помещаем также воспоминания моих друзей, что тоже занимались в драматическом кружке в те годы. У Ольги Петровны шли последние 17 лет служения искусству, театру. В полной мере проявился в этот череповецкий период жизни её педагогический талант. Да, она ходила по городу одинокой старой женщиной с низко опущенной головой. Но, возможно, и не предполагала, какую прекрасную память оставляет о себе.